

Филиппов А. Н

Учебник истории русского права

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Н Ф.**
Учебник истории русского права: Часть 1 / Филиппов А. Н – М.: Книга по Требованию,
2023. – 732 с.

ISBN 978-5-521-28251-7

ISBN 978-5-521-28251-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

человѣчества, не дожидаются ихъ поощренія и направленія. Потребность жизни вызвала право съ его учрежденіями и поддерживаетъ его въ непрерывной внѣшней дѣятельности. Всякое законодательное размышленіе и произволь даютъ праву тотъ видъ, который предназначенъ ему образомъ мысли и всей жизни народа и не могутъ отступить отъ него, не посрамивши самихъ себя. Исторія образованія права протекаетъ въ постоянной зависимости отъ характера, степени развитія, матеріальныхъ отношеній, судебъ народа и, рядомъ съ тѣми могущественными историческими силами, которыми направляется исторія права, содѣйствіе человѣческаго ума превращается въ ничто, если онъ, вмѣсто орудія, хочетъ быть творцомъ“.

Мы привели только-что указанную цитату изъ „Духа римскаго права“ Іеринга потому, что она, на нашъ взглядъ, хотя кратко, но вѣрно, въ общемъ, передаетъ безспорный выводъ, вытекающій изъ всего предшествовавшего изученія исторіи права многими поколѣніями ученыхъ, а именно выводъ о закономерности праворазвитія и о зависимости юридическаго строя даннаго времени и у даннаго народа отъ сложной совокупности цѣлаго ряда факторовъ. При этомъ надо, впрочемъ, отмѣтить, что сравнительная важность этихъ факторовъ праворазвитія оцѣнивалась, да и доселѣ еще оцѣнивается, весьма различно въ теоріяхъ, какъ отдѣльныхъ изслѣдователей, такъ и цѣлыхъ школъ: въ то время какъ, напр., одни выдвигаютъ на первое мѣсто экономическія или хозяйственныя условія времени, какъ важнѣйшихъ агентовъ правового строя, другіе, наоборотъ, думаютъ, что политическій складъ страны самъ по себѣ можетъ считаться достаточно-сильнымъ факторомъ праворазвитія, влияющимъ на всѣ жизненные отношенія даннаго союза, не исключая и экономическихъ; если, далѣе, одни ученые рассматриваютъ право, какъ явленіе психическое, то другіе склонны рассматривать право, какъ понятіе соціологическое и т. д. Историкъ права, конечно, долженъ принимать во вниманіе всѣ эти ученія о природѣ права и относительной важности отдѣльныхъ факторовъ его образованія, поскольку ихъ значеніе установлено въ наукѣ, но, чтобъ не впасть въ односторонность и субъективность, онъ долженъ, на нашъ взглядъ, при изученіи отдѣльныхъ эпохъ праворазвитія, считаться со всѣмъ сложнымъ комплексомъ означенныхъ факторовъ, поскольку ихъ наличность можетъ быть выяснена изъ данныхъ самой изучаемой эпохи: такъ напр., слѣдя за эволюціея какого-либо юридическаго понятія — государства, семьи, собственности и т. д., — онъ долженъ отмѣчать вліяніе на его развитіе религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и иныхъ идей и условій даннаго времени, являющихся факторами, сопутству-

ющими тому или иному фазису развитія даннаго понятія. Если историкъ права, изслѣдуя вліяніе этихъ факторовъ на праворазвитіе извѣстнаго момента, и можетъ останавливаться на указа-ніяхъ преимущественнаго значенія и дѣйствія однихъ изъ нихъ, сравнительно съ другими, то лишь въ томъ един-ственномъ случаѣ, когда сама изучаемая стадія историко-юридическаго процесса выдвигаетъ ихъ впередъ, какъ наиболѣе сильныя и творчески первенствующие, сравнительно съ дру-гими. Несомнѣнно, что въ исторіи соотношеніе между факторами праворазвитія не остается величиною всегда постоянною, а это въ свою очередь обязываетъ историка права оцѣнивать взаимо-дѣйствіе такихъ факторовъ по степени важности ихъ въ дан-ное время и у даннаго народа, принимая во вниманіе общую культуру изучаемой эпохи.

Слѣдя за относительною ролью и значеніемъ данныхъ факторовъ на образованіе и развитіе права, ставя правовыя учрежденія и нормы въ связь со всѣми условіями времени, под-мѣчая, по возможности, не простую только смѣну юридическихъ явленій и ихъ отраженій въ жизни, но изучая ихъ генезисъ, внутренній органическій ростъ, моменты пропѣтанія и исчез-новенія, пытаюсь, наконецъ — при помощи, главнѣйшимъ обра-зомъ, эволюціоннаго метода изслѣдованія, оказавшаго столь блестящіе успѣхи въ области человѣческаго знанія вообще — раскрыть общіе законы правообразованія и праворазвитія, исто-рія права имѣетъ предъ собою, хотя и чрезвычайно трудную, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма высокую задачу. По справедливому замѣчанію извѣстнаго германиста Бруннера, какъ всякая исторія, работаетъ также и исторія права надъ возвышенною проблемою с а м о п о з н а н і я человѣчества (*an dem erhabenen Problem der Selbsterkenntniss der Menschheit*). Проблема эта, будучи общею для исторіи русскаго, нѣмецкаго, французскаго и всякаго иного права культурныхъ націй, можетъ быть, однако, выполнена болѣе или менѣе плодотворно и широко лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе прошлыхъ судебъ своего н а ц і о н а л ь н а г о права будетъ поставлено въ непосредственную связь, какъ съ изученіемъ таковыхъ же судебъ права у болѣе близкихъ, по происхожденію, или по культурѣ, народовъ (по крайней мѣрѣ по отношенію къ первоначальнымъ стадіямъ ихъ праворазвитія), такъ и съ изученіемъ исторіи права, подобно другимъ обществен-нымъ наукамъ, въ связи съ наукою объ обществѣ или соціологіею.

Если исторія права вообще, какъ указано выше, пытается раскрыть законы правообразованія и праворазвитія народовъ, если ея высокою проблемою является уясненіе основъ самопознанія человѣчества въ области права, въ его прошлой многовѣ-ковой жизни, то исторія національнаго права, какъ наша наука,

должна преслѣдовать ту же важную задачу по отношенію къ одной лишь части человѣчества, а именно — въ данномъ случаѣ — русскаго народа; исторія русскаго права есть исторія самопознанія русскаго народа. — какъ к у л ь т у р н а г о цѣлаго, — въ области права и справедливости, право русской націи въ ея тысячелѣтнемъ прошломъ. Но что такое нація и каково ея отношеніе къ цѣлому или человѣчеству? По утвержденію Теллинека, съ которымъ должно согласиться, теперь можетъ быть признано прочно установленнымъ то положеніе, что „націи суть не естественныя“ (подобно, напр., племені), „а историко-соціальныя образованія“ : „группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ, а потому отличными отъ другихъ людей, образуетъ націю“. Нѣтъ сомнѣнія, что русская народность является однимъ изъ такихъ великихъ „историко-соціальныхъ образованій“, такъ какъ въ судьбахъ своего прошлаго, въ своей религіи, языкѣ, литературѣ, искусствѣ, правѣ и т. д., она хранитъ богатѣйшій запасъ своеобразныхъ „культурныхъ элементовъ“, выдѣляющихъ ее въ особую типическую группу среди другихъ націй. Весь нашъ курсъ, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, будетъ посвященъ изученію этихъ культурныхъ элементовъ, объединившихъ на востокѣ Европы славянскія племена — вмѣстѣ со многими инородцами — въ единое цѣлое или націю, и мы не разъ будемъ отмѣчать послѣдовательный и прогрессивный ростъ національнаго сознанія въ области права и не разъ будемъ убѣждаться въ наличности въ нашей исторіи оригинальныхъ учреждений и своеобразныхъ юридическихъ понятій, а равно и развитой народной юридической терминологіи, однимъ словомъ всего того, что въ области права — какъ и въ другихъ областяхъ культуры, — создавало въ теченіи вѣковъ для славянскихъ племенъ, осывшихъ на великой равнинѣ восточной Европы, „общее историческое прошлое“. Но это „общее историческое прошлое“, будучи однимъ изъ необходимыхъ и при томъ важнѣйшихъ элементовъ націи, — элементовъ, выдѣляющихъ ее изъ другихъ культурныхъ группъ человѣчества, — не должно быть, однако, изучаемо, какъ уже сказано, безъ всякой связи съ историческимъ прошлымъ другихъ подобныхъ человѣческихъ группъ. По мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ права, проф. Владимірскаго-Буданова, подѣ націею, — въ ея отношеніяхъ къ человѣчеству — надо разумѣть „часть человѣческаго рода, повторяющую въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія въ формахъ особенныхъ (оригинальных)“. Нѣсколько видоизмѣняя и дополняя это опредѣленіе, мы бы сказали, что „нація“ или „народность“ есть „культурный типъ человѣчества, повторяющій въ себѣ обще-

человѣческіе законы развитія, какъ въ формахъ особен-
ныхъ (оригинальных), такъ и въ общихъ, наблюдаемыхъ у
другихъ культурныхъ типовъ челоѣчества“. Если это такъ,
то изученіе культурныхъ элементовъ прошлой жизни данной
націи или народности, — а однимъ изъ такихъ важныхъ эле-
ментовъ является право въ его поступательномъ многоѣко-
вомъ движеніи — должно, какъ намъ кажется, вестись такимъ
образомъ: историкъ права данной народности долженъ, во 1-хъ,
бережно и любовно отыскивать, а затѣмъ и подвергать тща-
тельному изученію и анализу, всѣ тѣ особыя черты юриди-
ческой фیزیоміи націи, которыя сложились подъ дѣйствіемъ
особыхъ условій общаго прошлаго націи и которыя сохра-
нились въ тѣхъ или иныхъ остаткахъ старины стародавней,
донесенныхъ такъ или иначе потокомъ исторіи до нашихъ
дней; во 2-хъ, памятуя, что, какъ особыя, такъ и общія
черты этой юридической фیزیоміи націи повторяютъ въ себѣ,
въ тѣхъ или иныхъ, иногда весьма своеобразныхъ сочетаніяхъ,
общіе законы развитія, онъ долженъ, при случаѣ, сопоставлять
ихъ съ соответственными формами и чертами, имѣвшими мѣсто
въ исторіи права другихъ культурныхъ группъ челоѣчества
и, въ 3-хъ, наконецъ, исходя изъ того положенія, что національ-
ное право въ его историческомъ процесѣ, — подобно языку,
литературѣ, искусству и т. д., — не развивается, по крайней
мѣрѣ у историческихъ народовъ, совершенно одиноко, безъ
воздѣйствія иноземнаго, безъ многообразнаго и сложнаго взаим-
наго общенія отдѣльныхъ народовъ, онъ долженъ принимать во
вниманіе какъ случаи простаго внѣшняго заимствованія, такъ и
внутренняго усвоенія, или реценціи, правовыхъ идей и учрежденій,
поскольку то и другое обозначалось ясно въ исторіи даннаго
національнаго права, оцѣнивая внимательно роль и зна-
ченіе этихъ идей и учрежденій въ новой средѣ, отмѣчая степень
ихъ акклиматизаціи и т. д. Иначе говоря, если историкъ права
данной народности, — слѣдя за многообразіемъ движенія юри-
дическихъ институтовъ, подъ какими-бы, внутренними или внѣш-
ними, вліяніями оно ни совершалось въ прошломъ, — долженъ
возсоздать всѣ типичныя черты, выдѣляющія данную народ-
ность въ особую культурную группу челоѣчества, то онъ
въ то же время не долженъ забывать о связи своего націо-
нальнаго права съ правомъ другихъ народовъ, а равно и вообще
съ соціальною средою. Если задача перваго рода дастъ содер-
жаніе всему нашему послѣдующему курсу чтеній и если поэтому
на дальнѣйшемъ ея разъясненіи можно не останавливаться въ
общемъ введеніи къ курсу, то, наоборотъ, на отношеніи исторіи
русскаго права къ другимъ наукамъ, кратко указаннымъ уже
выше, слѣдуетъ, хотя бѣгло, остановиться, чтобы имѣть нѣко-

торый опредѣленный взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ.

Въ немногихъ словахъ, отношеніе исторіи русскаго права къ исторіи права другихъ народовъ, а затѣмъ и къ общей наукѣ объ обществѣ, или социологій, можетъ быть выражено въ такой примѣрной схемѣ. Исторія русскаго права, въ ея начальныхъ, по крайней мѣрѣ, стадіяхъ, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь прежде всего съ исторіею права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ случаѣ не должна быть, какъ намъ кажется, игнорирована та постановка изученія исторіи права, какая въ настоящее время утвердилась въ Западной Европѣ, въ такъ называемой германистической школѣ. Германисты, изучая, напр., исторію права собственно-нѣмецкаго, въ числѣ необходимыхъ вспомогательныхъ для нея наукъ („als Hilfswissenschaften der deutschen Rechtsgeschichte“) вводятъ изученіе исторіи права другихъ германскихъ племенъ, а именно они (какъ, напр., Бруннеръ), подъ наименованіемъ „Geschichte der Tochterrechte und der Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ различаютъ двѣ группы правовыхъ системъ, обозначавшихся въ исторіи германскихъ племенъ: одна, — такъ называемыя „Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ — вышла изъ общихъ германскихъ первоначальныхъ основъ: таково, напр., право норвежское, исландское, шведское и датское; другая группа, — такъ называемая „Tochterrechte des deutschen Rechtes“, — создавалась путемъ перенесенія германскими колонистами ихъ родного права на чужую почву: таково, напр., право англо-саксонское и англійское, французское и нидерландское. Въ правѣ чешскомъ, польскомъ, или, наприм., хорватскомъ, исторія русскаго права, подобно исторіи права нѣмецкаго, имѣетъ, по нашему мнѣнію, первую группу правовыхъ системъ, вышедшихъ изъ первоначальныхъ общеславянскихъ основъ, создававшихся уже въ тѣ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, когда еще, по сказанію русскаго лѣтописца, „бѣ единъ языкъ словѣнскъ“, т. е. одно славянское племя. Въ правѣ же литовско-русскомъ, изученіе коего сильно подвинулось впередъ въ послѣднее время, имѣется у насъ примѣръ второй изъ указанныхъ 2-хъ правовыхъ системъ. Подобно тому, какъ историки нѣмецкаго права, привлекая къ изученію исторіи этого права исторію права другихъ германскихъ племенъ, получаютъ черезъ это возможность болѣе обстоятельно и болѣе глубоко касаться такихъ эпохъ его развитія, о которыхъ наличные, собственно нѣмецкіе, источники права говорятъ очень мало, или даже иногда не говорятъ ничего вовсе, подобно тому, какъ означенные историки уже прониклись твердымъ убѣжденіемъ, что памятники

права родственныхъ германскихъ племенъ являются частію единственными, частію болѣе достовѣрными, средствами уясненія наиболѣе темныхъ и спорныхъ вопросовъ древнѣйшаго нѣмецкаго права, историкъ русскаго, — какъ и историкъ какого-либо иного славянскаго права, въ свою очередь, если ему встрѣтится въ аналогичныхъ случаяхъ необходимость прибѣгнуть къ иноземному праву — долженъ прежде всего пользоваться данными и выводами исторіи права славянскаго. Уже и теперь, при всей относительной молодости науки славянскаго правовѣдѣнія, имѣется какъ въ русской историко-юридической литературѣ, такъ и въ литературѣ другихъ славянъ рядъ цѣнныхъ изданій памятниковъ славянскаго права и ихъ толкованій, которыми необходимо пользоваться въ указанныхъ цѣляхъ, при изученіи, по крайней мѣрѣ, первоначальныхъ эпохъ праворазвитія, когда простота и общность условій жизни оказывали еще свое объединяющее вліяніе на славянъ, либо еще жившихъ нераздѣльно, либо сравнительно недавно разошедшихъ въ разныя стороны, а потому и сохранившихъ еще въ своемъ быту общіе правовые устои жизни *).

Если исторія права русскаго, какъ часть права общеславянскаго, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь съ исторіею права другихъ славянскихъ народностей, то, въ свою очередь, исторія права славянскаго, наряду съ исторіею права германскаго, римскаго и другихъ народовъ, должна мыслиться, какъ составная часть всеобщей или общей исторіи права, или такъ наз. „сравнительнаго правовѣдѣнія“, „сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія“, или, какъ еще иногда называютъ эту науку, какъ часть „исторіи развитія права“ (*Entwickelungsgeschichte des Rechtes*). Сравнительное же правовѣдѣніе, — которое изучаетъ послѣдовательное развитіе права, на одинаковыхъ стадіяхъ общественности, у цѣлой группы народностей, напр., по крайней мѣрѣ у арійцевъ, и затѣмъ пытается вывести общіе законы юридической эволюціи правовыхъ нормъ и учреждений, — является (вмѣстѣ съ сравнительною этнографіею, политическими, экономическими и другими общественными науками) частью одной общей науки, носящей наименованіе соціологіи, науки, которая, по мнѣнію ея адептовъ, одна только и можетъ

*) Общій обзоръ литературы по исторіи славянскаго права см. въ книжкѣ К. Kadlec'a „Nêkolik kapitol z oboru slovanského práva“ (V Praze, 1894 г.); ср. также И. М. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ (Харьковъ, 1892 г.), гдѣ рассматриваются взгляды славянскихъ писателей по означенному вопросу.

создать достаточно прочныя „научныя общности“ (*généralités scientifiques*), на которыя должны опираться затѣмъ уже всѣ отдѣльныя общественныя науки.

По утвержденію одного изъ нашихъ ученыхъ, М. М. Ковалевскаго, „какъ наука конкретная, сравнительное правовѣдѣніе не можетъ обойтись безъ содѣйствія той абстрактной науки, какою по отношенію къ нему — какъ и къ исторіи вѣрованій, знаній, морали, экономики, политики, искусства — является социологія. Задача послѣдней — изучить законы, управляющіе развитіемъ человѣческой солидарности и ея проявленій въ формахъ общежитія, независимо отъ всѣхъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ, то ускоряющихъ, то тормозящихъ наступленіе высшихъ порядковъ общественности“. Поскольку эта чрезвычайно трудная и сложная задача можетъ считаться уже выполненною столь молодою наукою, какъ социологія, на это литература вопроса даетъ самыя разнорѣчивыя показанія. Если и надо, несомнѣнно, признать слишкомъ крайнимъ и поэтому едва ли справедливымъ мнѣніе одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, Б. Н. Чичерина, что „то, что носитъ названіе социологія, въ сущности ничто иное, какъ хаотическая смѣсь всякихъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ взглядовъ, менѣе всего могущихъ имѣть притязаніе на наименованіе науки“, то, съ другой стороны, надо сознаться, что раскрытіе законовъ, управляющихъ „развитіемъ человѣческой солидарности“, есть дѣло очень еще отдаленнаго будущаго. Однако, и при современномъ своемъ состояніи, социологія обладаетъ уже цѣлымъ рядомъ, достаточно обоснованныхъ и болѣе или менѣе признанныхъ, — по крайней мѣрѣ, въ данное время, — обобщеній.

Эти-то обобщенія и должны приниматься во вниманіе при изученіи какъ общей, такъ и національной исторіи права. Право въ своемъ постепенномъ развитіи не живетъ особно и одиноко отъ всѣхъ другихъ факторовъ культуры даннаго времени, но, наоборотъ, по закону солидарности общественныхъ явленій, движется въ извѣстномъ гармоническомъ соотношеніи съ ними. Поэтому и изслѣдованія по исторіи права должны опираться „на широкое социальное изученіе“. По остроумному сравненію французскаго ученаго Тарда, высказанному имъ въ докладѣ, прочитанномъ на международномъ конгрессѣ сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ въ 1900 г., „сравнительная ретроспективная выставка оружія разныхъ націй сама по себѣ не имѣетъ значенія, но только въ связи съ тѣми битвами, которыя она объясняетъ, или которыя ее объясняютъ. Точно также, говоритъ Тардъ, сравненіе различныхъ системъ права приводитъ къ научнымъ обобщеніямъ лишь тогда, когда оно связано со всѣмъ комплексомъ социальныхъ явленій, которыя

объясняютъ право и сами въ свою очередь объясняются правомъ¹⁾. Можно оспаривать, — на нашъ взглядъ — тѣ или иныя соціологическія обобщенія, можно придавать имъ вообще временное, преходящее значеніе, допускать, что при дальнѣйшемъ движеніи науки они, можетъ быть, смѣнятся другими, но ихъ нельзя, однако, вовсе игнорировать при изученіи какъ всеобщей, такъ и національной исторіи права и нельзя потому, что такое игнорированіе означало бы ничто иное, какъ изолированіе изученія самого права, какъ одного изъ факторовъ культуры, отъ всѣхъ другихъ подобныхъ факторовъ и могло бы привести къ невѣрному и одностороннему пониманію значенія и развитія самихъ правовыхъ институтовъ. Приведу для примѣра одно или два такихъ соціологическихъ обобщеній, имѣющихъ значеніе для исторіи права. Соціологи, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ опредѣляютъ эволюцію, какъ „измѣненіе безсвязной однородности въ связную однородность, являющееся слѣдствіемъ разсѣянія движенія и интеграціи вещества“. Примѣняя эту формулу къ изученію, напр., той или иной организаціи общества въ отдѣльныя историческія эпохи, говорятъ, что „расчлененіе общества на профессіи, состоянія, сословія, даетъ прекрасное приложеніе общаго начала дифференціаціи функцій и дифференціаціи движенія, совмѣстная-же дѣятельность классовъ, ихъ взаимныя услуги и общая работа иллюстрируетъ процессъ объединенія, интеграціи“. (П. Виноградовъ „О прогрессѣ“). Или, напр., изучая исторію государственныхъ учреждений, отмѣчаютъ постепенное развитіе въ ихъ организаціи принципа дифференціаціи функцій и т. д., принципа, находящаго свое примѣненіе не въ одной только области права, но и въ другихъ явленіяхъ общественности. Таково, въ немногихъ словахъ, отношеніе какъ общей, такъ и національной, исторіи права къ соціологіи.

Коснемся теперь кратко отношеній сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія къ исторіи права національнаго. Всего 30—40 лѣтъ тому назадъ подъ сравнительнымъ изученіемъ права понимали лишь особый своеобразный методъ параллельнаго изслѣдованія образованія и развитія правовыхъ институтовъ у нѣсколькихъ народностей, при чемъ этотъ методъ примѣнялся главнѣйшимъ образомъ къ изученію первоначальныхъ, такъ сказать эмбріональных, стадій развитія означенныхъ институтовъ. Теперь, однако, сравнительная исторія права, или сравнительное правовѣдѣніе, является уже особою и вполне

1) Э. В. Тарановскій „Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX в.“ Варшава, 1902 г., стр. 19.

самостоятельною наукою, обладающею своимъ громаднымъ матеріаломъ для изслѣдованій, преслѣдующею при этихъ изслѣдованіяхъ свои особыя цѣли, примѣняющею при своихъ изысканіяхъ своеобразныя приемы. И если 20 лѣтъ тому назадъ тотъ же цитированный уже нами знаменитый германистъ Бруннеръ, причисляя сравнительную исторію права — въ особенности постольку, поскольку она касалась арійскихъ народностей — къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи нѣмецкаго права, могъ, по справедливости, сказать, что, несмотря на то, что сравнительная исторія права, какъ наука, находится еще въ зачаткѣ, она уже вышла, однако, изъ стадіи дилетантизма, то въ два слѣдующихъ десятка лѣтъ развитіе этой науки подвинулось весьма далеко впередъ и не только въ западно-европейской, но и въ русской историко-юридической литературѣ наука эта имѣетъ теперь видныхъ представителей, которыми изданъ рядъ цѣнныхъ трудовъ. Въ какомъ же, однако, отношеніи должно стоять сравнительное правовѣдѣніе, какъ наука, къ исторіи права данной націи или народности? Въ нашей историко-юридической литературѣ нерѣдко слышались голоса, а иногда они слышались и теперь, о необходимости, на кафедрѣ исторіи русскаго права, вести сравнительное изученіе права, ввиду того, между прочимъ, соображенія, что всеобщая исторія права теперь совсѣмъ не преподается у насъ, а кафедра исторіи славянскихъ законодательствъ существовала въ одномъ только университетѣ (Варшавскомъ). Задача эта является, однако, совершенно уже невыполнимою нынѣ, прежде всего потому, что сравнительная, или всеобщая, исторія права выросла, какъ сказано, въ послѣднія 2 десятилѣтія въ особую и сложную науку, играющую весьма важную роль во всѣхъ соціологическихъ изысканіяхъ новѣйшаго времени, но науку притомъ нисколько не упразднившую значенія исторіи права національнаго. Сравнительная, или всеобщая, исторія права не можетъ уже нынѣ, подъ видомъ сравнительнаго метода изученія права, уложиться или войти въ область исторіи права даннаго народа (исторія ея обособленія въ отдѣльную науку повторяетъ собою тоже явленіе, какое имѣло мѣсто въ исторіи другихъ наукъ, напр., естественныхъ, гдѣ изъ зоологій выдѣлилась сравнительная зоологія и т. д.). Такъ какъ сравнительное правовѣдѣніе, подобно исторіи права національнаго, имѣетъ свой особый громадный матеріалъ для изслѣдованія, свои особыя спеціальныя задачи, ставимыя учеными по соображенію ихъ общей связи съ развитіемъ каждой изъ этихъ наукъ, то думать, что исторія національнаго права, при современномъ состояніи науки, можетъ изучаться съ кафедры сравнительно, значитъ, на нашъ взглядъ,

налагать на эту науку совершенно непосильную и несвойственную ей задачу, значить превращать кафедру истории національного (напр. — русского) права въ кафедру общей истории права. Результаты, добытые нынѣ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, должны быть, конечно, извѣстны при изученіи истории права данной націи и ихъ надо, по возможности, имѣть въ виду при изученіи истории институтовъ своего родного права, но изысканія въ области сравнительной истории права не могутъ производиться при общихъ обзорахъ историческаго движенія своего права: сходства и различія въ этомъ движеніи и вообще связь національной истории права съ всеобщей исторіею права должны, при изученіи права данной страны, не столько доказываться, сколько указываться. Входить одной наукѣ въ лабораторію другой и въ ней производить свойственные каждой наукѣ изслѣдованія, значить, при современномъ состояніи каждой изъ этихъ наукъ, лишь мѣшать другъ другу. Сравнительное изученіе національнаго права настоятельно необходимо, но оно должно дѣлаться особо, главнымъ образомъ монографически, а не съ кафедры истории даннаго права, такъ какъ иначе легко могутъ быть упущены изъ виду многіе вопросы истории національнаго права, да и выводы самой всеобщей истории права не будутъ изложены въ достаточной полнотѣ и опредѣленности. Такъ какъ къ тому же выводы всеобщей истории права касаются пока главнымъ образомъ древнѣйшихъ періодовъ истории, то они и должны относиться къ таковымъ же періодамъ истории своего родного права. При современномъ состояніи сравнительнаго правовѣдѣнія, занимающагося главнымъ образомъ изысканіями въ области первобытнаго или только древнѣйшаго права, нѣтъ возможности дѣлать сколько-нибудь важныхъ научныхъ обобщеній при сравненіи позднѣйшихъ эпохъ праворазвитія, когда историческія судьбы отдѣльныхъ народностей такъ далеко расходятся другъ отъ друга, когда сочетаніе факторовъ, дѣйствующихъ на тотъ или иной характеръ развитія ихъ права, такъ прихотливо измѣняется и осложняется.

Для болѣе позднихъ эпохъ истории развитія права возможность строго научныхъ сравнительныхъ изслѣдованій только еще предвидится въ будущемъ, а тѣ попытки сравнительнаго изученія законодательствъ (но не права), которыя дѣлаются въ послѣднее время какъ на Западѣ Европы, такъ и у насъ, далеко не соотвѣтствуютъ чисто теоретическимъ задачамъ сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ особой науки, и имѣютъ лишь практическое значеніе ознакомленія съ дѣйствующими законами, въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ. Кромѣ того, изученіе истории русскаго права болѣе позднихъ эпохъ